

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

В. В. ЛУНКЕВИЧ КАК УЧЕНЫЙ

(К 100-летию со дня рождения и 25-летию со дня смерти).

Два поколения—два восприятия Лункевича. Старое поколение помнит Лункевича—популяризатора, автора маленьких научно-популярных книжек. Возможно, кое-кто назовет и сборник статей—«Нерешенные проблемы биологии». Молодежи это почти незнакомо. Зато она знает другие его книги—«Подвижники и мученики науки», «Занимательная биология», а студенты-биологи охотно расскажут Вам об интересной книге по истории биологии «От Гераклита до Дарвина».

В предлагаемой статье хочется остановиться на научном наследии Лункевича. Мы считаем это уместным и даже необходимым, ввиду несправедливого мнения, бытующего даже среди некоторых ученых, о том, что Лункевич—только популяризатор.

Лункевич раннего периода своей жизни (конца 80-х и начала 90-х годов)—действительно популяризатор, хотя даже, примерно, и в эти годы в печати появляются статьи философского характера, собранные в книгу «Нерешенные проблемы биологии» (1904 г.). Позже, в 1935 г., выходит (2-ым изданием) книга «Клетка и жизнь», в которой можно найти дальнейшее развитие философских высказываний Лункевича в «Нерешенных проблемах биологии».

И, наконец, к работам научного характера надо отнести книгу по общей биологии—«Основы жизни. Биология», последнее издание которой (в 4-х томах) вышло в 1928—1931 гг., и особенно фундаментальный труд по истории биологии—«От Гераклита до Дарвина» (двумя изданиями).

Обратимся к философским взглядам Лункевича в области биологии. Посмотрим, к какому из 3-х основных течений (механизм, витализм, диалектический материализм) он примыкал.

Книги—«Нерешенные проблемы биологии» и отдельные места работы «Клетка и жизнь» дают ответ на этот вопрос. И ответ этот таков: Симпатии Лункевича не были на стороне механицизма и витализма, хотя местами и попадались высказывания в защиту этих течений, особенно механицизма; но эти колебания были лишь в ранней работе Лункевича, напечатанной свыше 60 лет назад («Нерешенные проблемы биологии»).

А с другой стороны, оказывается, что даже еще в те далекие годы у Лункевича можно найти мысли, сближающие его взгляды с диалектическим материализмом.

Очень удачно характеризует кандидат биологических наук В. Ф.

Мирек эту раннюю работу Лункевича, говоря, что «пожалуй» ни в одном своем произведении он не высказал столько заветных и вместе с тем отважных мыслей по самым жгучим, «Нерешенным вопросам биологии», как в этой книге, чтение которой и теперь, через 53 года после ее выхода, воочию показывает Валериана Викторовича как крупного натуралиста, ученого-философа, не убоившегося вникнуть в сущность самых затаенных («проклятых» и, казалось бы, неразрешимых) антиномий современной ему биологии,—антиномий, вылившихся в ходе исторических судеб науки о жизни, в многовековую тяжбу виталистов и механистов» (В. Ф. Мирек. «О методологических взглядах Лункевича». Доклад, прочитанный на «Вечере памяти В. В. Лункевича» 21 декабря 1956 г. в Московском обществе испытателей природы).

Близко подходя к диалектическому материализму, так сказать, соприкасаясь с ним еще в 1904 г., он в 1935 г. показывает себя подлинным сторонником диалектического материализма.

В «Нерешенных проблемах биологии», на 278-ой стр. мы читаем: «Допуская качественную разницу между отдельными ступенями жизни, предполагая, что различные периоды прогресса характеризуются возникновением совершенно новых, дотоле вовсе не существующих элементов жизни, мы должны будем признать громадную разницу также между «живым» и мертвым».

Если амеба качественно отличается от червя, а червь—от человека, то несомненно, что не меньшая разница существует также между неорганическим миром, с одной стороны, и организованным—с другой. ...До возникновения «живого»—жизни не существовало, а возникновение ее совпало с образованием чего-то нового и качественно несходного с тем, чем обладала природа уже до жизни».

Еще убедительнее звучат следующие слова Лункевича: ...«Не только физика в отдельности, но и вкупе с химией не в состоянии решить все биологические вопросы... Биология всегда с благодарностью принимала и впредь будет принимать поддержку, оказываемую ей физикой и химией, но это не мешает ей иметь свои самостоятельные задачи и цели, которые она решит с помощью своих собственных «интеллектуальных средств», приспособленных к этим именно задачам и целям». («Нерешенные проблемы биологии», стр. 290—291).

С диалектико-материалистическим пониманием жизненных явлений мы встречаемся на стр. 278—279 этой книги, где читаем: «Существование качественно различных ступеней в развитии материи не только не противоречит идее ее единства, но, наоборот, является лучшим аргументом в защиту этой цели. Эволюция материи шла прерывисто: единая по существу, по основным потенциям своим, она, в процессе развития, стала материей ощущающей и мыслящей. Тут не разрыв, не пропасть между материей «мертвой» и «живой», и «мыслящей», а лишь повторяю, качественно новые ступени скачкообразного развития. Этого, как дальше увидим, не учитывают должным образом как механисты, так и виталисты. Для первых нет качественной разницы между живым и мертвым; для

последних тут не только разница, а целая бездна, непроходимая пропасть».

А вот, как оценивают эти взгляды Лункевича его биографы В. Ф. Мирек и И. И. Пузанов. Первый, останавливаясь на высказываниях Лункевича в 1904 г., писал: «Кто из русских крупнейших биологов того времени, разве кроме Тимирязева, подымался до таких методологических высот в коренном разрешении основного вопроса в науке о жизни».

Не менее примечательны и слова проф. Пузанова, который в статье «Славный юбилей» (1930 г.) писал: «...Точка зрения его (Лункевича! Н. Г.) является чрезвычайно интересной и оригинальной, хотя бы потому, что он еще в своих старых статьях (см. его статьи «Что такое жизнь» в сборнике «Нерешенные проблемы биологии»), высказывался в смысле автономности жизненных процессов, в их качественном отличии от процессов неорганической природы...».

Обратимся к основной научной работе Лункевича—книге «От Гераклита до Дарвина». На ней следует несколько задержаться, так как существовали (да и теперь встречаются) читатели и критики (мы об этом упоминали), для которых Лункевич только даровитый и плодовитый популяризатор естествознания.

Мы никак не можем согласиться с такой односторонней оценкой. Уже только одни философские размышления Лункевича, о которых шла речь до сих пор, показывают несостоятельность такого подхода к нему. Лункевич, конечно, и ученый, (теоретик-исследователь) и как таковой он выступает в книге «От Гераклита до Дарвина» в ряде следующих моментов:

1) в изложении материала по первоисточникам; 2) в анализе эпох и философских систем; 3) в анализе трудов и взглядов ученых; 4) в иллюстрации влияния философии на естествознание вообще, а на биологов— в частности (иными словами—в показе развития истории биологии на фоне истории культуры) и др.

Ряд критиков в работе проф. Лункевича отмечает элементы исследовательского труда. Об этом пишут Бархаш и Бондаренко («Книга и пролетарская революция», 1936, № 8), проф. Гремяцкий, а проф. Райков указывает, что никогда еще не было столь подробного анализа указанной эпохи (XVII и XVIII вв.), как во II томе «От Гераклита до Дарвина».

Можно только присоединиться к этому мнению, имея в виду, например, факт использования Лункевичем около 190 источников на разных языках для составления II тома.

Останавливаясь на анализе эпох и философских систем, Лункевич указывает на реалистичность науки XVII в., что приводило к односторонней оценке этой эпохи со стороны известного историка биологии Радля, печалящегося о забвении «великих вопросов», волновавших Аристотеля, Леонардо, Парацельза, Джордано.

Однако, по мнению Лункевича, эта печаль неосновательна, да и оценка науки XVII в., как чего-то мелкого, несправедлива, так как огромные завоевания в области математики и естественных наук открывали Биологический журнал Армении, XX, 12—7

широкие перспективы для развития биологии и укрепляли у биологов идею единства науки. И хотя большинство натуралистов этой эпохи—специалисты, и, благодаря их работам, росло число исследований и открытий, но рядом с этим рос и дух критики и самостоятельного творчества, «росла готовность очиститься от предвзятых идей предшествующих поколений, росло, наконец, и сознание необходимости объединить разрозненные знания в единую мировоззренческую систему,—это, конечно, очень далеко от той серой картины, которая набросана пристрастной рукой Радля» (Лункевич).

Для иллюстрации Лункевич напоминает один эпизод из истории науки XVII в. «Гарвей,—пишет он,—открывает кровообращение. Но вопрос связи этого процесса, скажем, с пищеварением и кровообращением остается открытым.

Что же предпринимает целая плеяда специалистов?

Стенон изучает строение слюнных желез, Вирзунг находит выводной канал поджелудочной железы; Бартолин фиксирует свое внимание на лимфатической системе; Азелли открывает млечные сосуды, а Пенн устанавливает их назначение, доказав, что млечные сосуды поглощают переваренные вещества из кишечника и направляют их в грудной проток, откуда они поступают в сердце.

Проблема не исчерпана, но некоторые основные моменты ее твердо намечены коллективной работой даровитых исследователей, а там, при содействии других, таких же талантливых специалистов, придет и полное решение одного из центральных вопросов физиологии...».

В качестве примера анализа трудов и взглядов ученых укажем на слова Дарвина о Бюффоне, приводимые Лункевичем—«...Первый из писателей новейших времен, обсуждавший этот предмет (происхождение видов! Н. Г.) в истинно научном духе был Бюффон.

Но так как его мнения подвергались значительным колебаниям и так как он не касался причин или путей, по которым совершалось происхождение видов, я могу не вдаваться здесь в подробности».

По этому поводу Лункевич пишет: «Вполне соглашаясь с тем, что мнение Бюффона о происхождении видов «подвергалось значительным колебаниям», следует однако сказать, что Дарвин неправ, утверждая, будто Бюффон не касался причин или путей, по которым совершалось происхождение видов: указанные им пути недостаточны, порой проблематичны, иногда туманны и даже наивны, но тем не менее он указывал их».

Уникальной особенностью труда Лункевича—«От Гераклита до Дарвина» является показ истории биологии на фоне истории культуры, уместно несколько подробнее остановиться на этой стороне рассматриваемого сочинения.

Оценивая оба тома первого издания, проф. Бляхер говорит: «...Лункевич дает читателю отчетливое представление об истории биологических знаний и идей на фоне истории культуры в широком смысле этого слова» («Книга о лучших книгах. Биология», 1940 г.).

А вот мнение проф. Соболя: «Лункевич стремился охарактеризовать экономическую, политическую и умственную обстановку, в которой создавались и развивались основные идеи естествознания вообще и биологии, в частности». Эти пожелания полностью реализованы им (Лункевичем Н. Г.) в трех томах его работы». («Советская книга», 1946, № 10—11).

Знакомство с книгой («От Гераклита до Дарвина») позволяет утверждать, что попытка Лункевича написать историю биологии на фоне истории культуры в основном удалась.

Постараемся показать это примерами влияния философии и социологии на естествознание, в частности на биологию.

Мы остановимся на взглядах Декарта, Лейбница и Дидро.

Лункевич высоко ставит Декарта: «Вся механистическая часть мировоззрения Декарта,—заявляет он... сыграла роль в развитии научно-философской, и стало быть, и биологической мысли XVII и XVIII вв.».

Космогония Декарта, по словам Лункевича, «представляет одно из важнейших завоеваний научно-философской мысли. Это произведение можно рассматривать, как прототип космогоний, предложенный значительно позже Кантом, а затем Лапласом. А космогонии в стиле этих двух ученых—предпосылка к эволюционному учению».

В вопросе о происхождении форм живой природы в трудах Декарта имеются некоторые противоречия. Так, с одной стороны, Декарт говорит о создании творцом растений и животных и Адама с Евой, а с другой,—мы находим у него такие слова: «Чтобы лучше понять природу растений и животных, гораздо предпочтительнее думать, что они порождены из семени, а не созданы богом...».

Объясняя это расхождение взглядов Декарта, Лункевич замечает, что они «...показатель уклончивости Декарта и ...страха перед перспективой злоключений вроде тех, которые стряслись над Галилеем и свидетельство о том, что исторический взгляд на природу был не чужд уже Декарту».

Заканчивая оценку деятельности Декарта, Лункевич говорит, что уже к концу XVII века определилось несколько иное течение биологической мысли, поставившее себе целью эмансипировать науку о жизни от диктатуры «механистического» мировоззрения и примкнувшее к некоторым взглядам Лейбница».

В главе «Лейбниц и виталисты» (в книге «От Гераклита до Дарвина») есть пункт—«Что дал Лейбниц науке и куда направил мысль биологов». Отвечая на этот вопрос, Лункевич замечает; что большинство натурфилософов XVII, а частью и XX века находилось под влиянием Лейбница. А натурфилософы высказали много ценных мыслей и написали немало дельных страниц на интересующие биолога темы.

Лейбниц говорит, что если же и допустить сравнение организма с машиной или механизмом, то нужно ни на мгновение не забывать, что организм есть механизм совсем особого рода, *sui generis*; какой же именно? «Машина, сооруженная искусством человека, не является машиной в

каждой своей части,—пишет Лейбниц,—а машины естественные, т. е. живые тела. И в своих наимельчайших частях, до бесконечности, продолжают быть машинами».

Заключая оценку Лейбница, Лункевич замечает, что в учении некоторых биологов 20 века отображены некоторые представления Лейбница (Ферворн, Артур, Мейер). Одновременно Лункевич напоминает слова Ленина о наличии у Лейбница «очень глубокой диалектики».

Говоря о Дидро, Лункевич приводит его фразу о растительном мире, зародившемся в минеральном царстве, которое само «произошло из всеобщей гетерогенной материи» (Дидро). Из этого вытекает, что «идея эволюции в ее современной трактовке входила определенным звеном в общую цепь биологических взглядов Дидро». (Лункевич).

И далее Лункевич говорит, что прежде чем наука доказала существование «трансформизма» и «эволюции», ученым пришлось довольствоваться более или менее правдоподобными догадками, рассыпанными подобно драгоценным блесткам в произведениях таких на редкость даровитых людей, каким был Дени Дидро (Лункевич).

«Дидро особенно дорог,—добавляет Лункевич,—историк биологии. Многие его идеи в этой области знания значительно определили науку XVIII века». Сказанное свидетельствует о влиянии философии Дидро на биологию.

Наше знакомство с книгой—«От Гераклита до Дарвина», главным научным наследием Лункевича, хотелось бы дополнить некоторыми сведениями.

Издательство «Биомедгиз» заявляет (1936 г.), что «Книга Лункевича—единственная книга на русском языке, дающая подробное и разностороннее изложение работ и открытий многих выдающихся представителей истории науки».

В «Книге о лучших книгах. Биология» (1940) проф. Бляхер замечает, что из существующих на русском языке книг по истории биологии книга Лункевича, несомненно, должна быть признана **самой ценной**.

Сказанное не преувеличение: книга «От Гераклита до Дарвина» представляет собой самое полное изложение истории биологии из всех существующих в настоящее время как у нас, так и, по-видимому, за рубежом. Из работ на русском языке по истории биологии наиболее известны труды Тимирязева и Третьякова. Однако они заметно уступают книге Лункевича как по объему, так и по содержанию.

Превосходство труда Лункевича—это неоспоримые достоинства его книги: **по происхождению** (написана по первоисточникам), **по содержанию** (богатство материала по истории биологии за 2¹/₂ тысячи лет), **структуре** (изложение истории биологии на фоне культуры), **методике** (популярность в трактовке наиболее сложных проблем биологии) и **форме** (редкие литературные достоинства).

Все перечисленные черты позволяют смотреть на это произведение как на уникальное. Неудивительно поэтому, что ряд видных ученых (Орбели, Павловский, Навашин, Вермель, Алпатов, Кацнельсон, Мирек,

Карпае и др.) в конце 50-х годов поставил вопрос о переиздании трехтомника.

Книга 2-ым изданием вышла в 1960 г. в 2-х томах, под редакцией проф. Полякова.

Появилась книга, столь полезная преподавателям биологии, историкам, философам, социологам и всем интересующимся историей науки. Однако тиражи книги «От Гераклита до Дарвина» явно недостаточны (10 000 во 2-ом издании). Поэтому для того, чтобы эта замечательная книга продолжала оказывать свое влияние на читателя, притом в большей мере, чем до сих пор, следует вновь подумать о выпуске ее 3-им изданием и, конечно, значительно большим тиражом.

Недавно исполнилось 100 лет со дня рождения и 25 лет со дня смерти В. В. Лункевича. Эта дата напоминает о нашем долге перед неутомимым и вдохновенным проповедником естествознания и крупным историком биологии, каким был Валериан Викторович Лункевич.

И хочется, чтобы эта памятная дата была отмечена изданием не только упомянутых трудов, но и полного собрания сочинений, в том числе и рукописей, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве.

Поступило 2.X 1967 г.

Врач-биолог, методист Костромского областного дома санитарного просвещения

Н. Н. ГЕРЦЕНЗОН